

ДВА. Н. А. ТЭФФИ

В метро передо мною дама с ребенком.

Ребенку, должно быть, год с небольшим. Он круглый, толстый, одет в мохнатую шубку, теплые гетры. Совсем катыш.

В правой руке у него замусленный сухарь, который не сразу попадает в рот – рука-то короткая, рукав толстый, не согнешь. Тычется сухарь, мажет по носу, щекам, словно сам по себе, а катыш кряхтит и ловит его ртом.

Но главное дело катыша – не сухарь. Главное дело – подняться на ноги. Он сопит, кряхтит и молча борется с рукою матери, которая, не глядя, удерживает катыша на месте. Но эта-то рука и сослужила ему службу. Он уцепился за нее повыше, засопел, закряхтел и вдруг поднялся на своих толстых гетрах. Ухватился за спинку скамьи и устоял.

Сидевшая на другой стороне дама увидела около своего плеча его руку, крошечную, с ямками, с очень розовыми пальцами с ноготками тонкими, точно слюдяными. Посмотрела да вдруг и чмокнула.

Катыш рассвирепел. Весь задрожав от негодования, с грозным ревом поднял он по-звериному свою мягкую лапу и неизвестно, что было бы с несчастной дамой, если бы катыш не потерял равновесия. Но он закачался и шлепнулся на сиденье. Посидел, успокоился и призадумался, глаза заморгали, нос засопел – ясно, что человек думает. Потом уставился в одну точку, точно запечалился. Лизнул было свой сухарь. Нет, не то. Нет и от сухаря радости. Испорчено настроение, и баста. И вдруг чуть-чуть покраснел, мордочка стала виноватая и добрая. Закряхтел, уцепился. полез, встал, смотрит на даму, а сам двигает к ней руку поближе. Дама вытянула губы, поцеловала. А он засопел и другую руку, что с сухарем, тоже тянет.

– Господи, неужто угощать собрался?

Так и есть, тычет ей замусленный свой сухарь – лучшее свое сокровище – прямо в щеку, а лицо уже совсем виноватое, совсем доброе. И все на этом лице: понял, что обидел, пожалел, и жить с этой жалостью не мог, и пошел, и все свое отдал, и счастлив.

Где-то видела я уже вот этот самый момент... Где?

* * *

В маленьком садике при скверном ресторанчике маленького и скверного Туапсе завтракали мы в тугие, голодные времена – предбеженские. Ели с грязных тарелок бараньи ошметки, хлеб черствый, кислый и пыльный.

Тощий ресторанный пес бродил между столиками, стучал хвостом по голым ребрам и «ни от какой работы не отказывался» – ел даже огрызки от соленых огурцов. Совсем, видно, пропадать приходится.

И вдруг в другом углу садика появился другой пес. Видно, только что прошмыгнул в калитку.

Остановился у столика, за которым старик пилил ножом какую-то жареную кожу, остановился и присел, не совсем присел, не до земли, а чуть-чуть поджался исключительно из унижения и чтобы подчеркнуть свое бедственное положение. И по всей позе видно было, что он сам сознает, как дело его незаконно.

Старик взглянул на него и бросил ему через голову кость.

Не успел пес лязгнуть зубами, как в один прыжок тот, другой, ресторанный и законный, был уже на нем. Пыль, визг, вихрь, шерсть, хвосты, зубы. Через секунду уже на другой стороне улицы тихое повизгивание, и уныло поджатый хвост медленно скрывается в воротах.

Победитель вернулся, полизал себе бок, разыскал незаконную кость, погрыз, задумался, опять погрыз вяло, без жизни, без темперамента. А ведь это все-таки была ко-о-о-сть. Ведь не огуречный огрызок, а ко-о-о-ость. Да еще, поди, с мяском, потому что старик-то. владетель ее и жертвователь, беззубый сидел и обгрызть ее, как прочие посетители, не мог.

Задумался чего-то пес. Морду отвернул, заскучал.

Неужто жалеет того, что прогнал? Чего жалеть-то? Лезут тут всякие, когда самому концы с концами не свести.

Отряхнулся, подошел к столу, минутку постоял да и отошел. И работа, значит, на ум не идет. Лег у стены. Печальный, совсем расстроился.

Вдруг фыркнул носом, вскочил и деловито, трусцой побежал через улицу.

– Смотрите, – сказал мне сосед, – никак мириться побежал.

Через минуту пес, уже спокойный, совсем другой походкой вернулся в ресторан. Морда у него была слегка смущенная, но очень добрая и даже веселая. На почтительном расстоянии следовал за ним тот – нарушитель прав, злодеи и преступник. Злодей уже не боялся и не приседал, но явно старался держать себя скромно. Разыскал историческую кость и, хотя она была уже совсем объединенная и заваленная, забился с нею скромно под забор, явно подчеркивая, что к клиентам соваться не будет.

Победитель рыскал без толку между столиками и так вилял хвостом, с такою силою, что даже весь набок поворачивался. Получил раза два здорового тумака, но даже не визгнул, так был счастлив.

Вот вспомнила. И теперь знаю, что эти два – эта маленькая розовая мордочка ребенка и звериная морда голодного пса – единым для меня связаны и в памяти моей, в душе, в жизни будут всегда рядом. Вспомнится одна – потянет за собой другую. На одном стержне они. На одной золотой нити.

Единым связаны.